Наталья БЕЛЯЕВА

АЛЕКСАНДР КУШНЕР: ВОСЕМЬ ГРАНЕЙ ТАЛАНТА

Все знание о стихах — в руках пяти-шести,
Быть может, десяти людей на этом свете:
В ладонях берегут, несут его в горсти.
Вот мафия, и я в подпольном комитете
Как будто состою —

так Александр Кушнер сказал о себе и о людях, которые знают о стихах всё. Читая его строки, будто вбираешь в себя такое знание о человеке и мире, которое делает тебя лучше, тоньше, умнее и чувствительнее. Оно возвышает тебя как читателя, потому что глубоко понять стихи Кушнера можно, только обладая таким культурным багажом, который нужно копить всю жизнь. Его творчество впитало в себя живительные соки русской и мировой поэзии, чтобы на этой почве расцвел чудесный цветок его многогранного таланта.

Грань первая. Кушнер — наследник русских поэтов-классиков

Если перечислять русских поэтов, намеки на которых можно найти в стихах Кушнера, то, наверное, получится достаточно большой список, но это указывает не на прямое следование традициям, а на переплавку образов, картин, интонаций, ритмов в новой ткани его стихов. Не случайно сам Кушнер когда-то сказал, что «всякий настоящий поэт — это обновление стиха»¹. Когда поэта спросили, какие имена в русской лирике для него особенные, то он ответил: «Если начну перечислять, то назову их слишком много. На самом деле я ориентировался не на кого-то одного, а всю жизнь... на Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Тютчева, Фета, Пастернака, Мандельштама, Ходасевича, Заболоцкого. Да, вот еще обязательно надо назвать: Иннокентия Анненского. И Блока, конечно, и Ахматову, и Кузмина. И Некрасова

Наталья Васильевна Беляева родилась в Калининне. Окончила филологический факультет Калининского государственного университета (1972). Заслуженный учитель школы РФ, доктор педагогических наук. Автор многочисленных книг и статей по методике преподавания литературы в школе, двух поэтических сборников, статей о русской поэзии. Член Союза российских писателей и Союза журналистов Москвы. Живет в Москве и в Твери.

¹ Кушнер А. С. Стихи для меня — образ жизни... // Вопросы литературы. 1997. № 3. <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/3/kushner.html>

тоже нельзя не вспомнить, и Державина. Начнешь перечислять — не остановиться. И все равно кого-нибудь пропустишь, например Грибоедова»².

В стихах Кушнера можно найти отсылки к русской и мировой поэзии, и порой даже удивляешься, когда читатели, особенно молодые, не видят переключек, которые и комментировать как-то неудобно: так они узнаваемы и органичны. В его стихах живут и «Баратынский с его пироскафом», и Пушкин, подобно которому поэт «посетил / Ту местность, где светил» ему «в молодости луч». Кушнер мечтает поговорить «тихо сквозь века / С поручиком Тенгинского полка» Лермонтовым и желает, как Фет, понять тайны мироздания, подойдя к стогу сена, около которого «Бога не было вверху, / Чтоб оправдать тщету земную». Поэт вспоминает нервную «некрасовскую музу», осмысливая неизбежную «прозу в любви», и героиню Достоевского, когда пишет: «Среди знакомых ни одна / Не бросит в пламя денег пачку». Эти узнаваемые реминисценции поэт адресует читателю и поднимает его до себя в восприятии и понимании поэзии. Читатель его стихов должен быть широко образованным, жить в культуре, чтобы о нем можно было сказать, как когда-то сказал Георгий Адамович о Мандельштаме, который «в разговоре логику отнюдь не отбрасывал, но ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал. Он оказывал собеседнику доверие, поднимая его до себя»³. Такое же доверие оказывает читателю и Кушнер, впуская его в мир своей сложной и полной намеков поэзии.

Трепетное отношение к поэтической классике звучит в стихах, обращенных к тем, кто желает в каждом русском поэте найти «изъясн»:

Конечно, Баратынский схематичен.
Бесстыльность Фета всякому видна.
Блок по-немецки втайне педантичен.
У Анненского в трауре весна.
Цветаевская фанатична муза.
Ахматовой высокопарен слог.
Кузмин манерен. Пастернаку вкуса
Недостает: болтливость — вот порок.
Есть вычурность в строке у Мандельштама.
И Заболоцкий в сердце скуповат.
Какое счастье — даже панорама
Их недостатков, выстроенных в ряд!

Неисчерпаемой теме поэта и поэзии Кушнер верен и в новом веке, потому что еще не все смыслы «вычитал» в любимых стихах:

Кого бы с полки взять? Всех знаю наизусть.
Не Лермонтова же, не Пушкина, не Блока...
Мрачнеет Мандельштам. Обиделся? И пусть.
А может быть, он рад, что потускнел немного,
Как Тютчев или Фет, — и значит, что ничем
Теперь не хуже их и, скажем, Пастернака...

² Храмцова Р. А. «И третье, видимо, нельзя тысячелетье / Представить с ямбами, зачем они ему?..». Интервью с Александром Кушнером // Литература. «Первое сентября». 2005. № 7. <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200500711>

³ Адамович Г. В. Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. 1961. №2. http://www.e-reading.club/bookreader.php/150022/Adamovich_-_Neskol'ko_slov_o_Mandel'shtame.html

Поэт сожалеет, что ему «нечего читать! / И в Анненском все так знакомо и любимо!», но вновь тянется к книжным полкам и не без основания надеется:

Ах, может быть, у них за это время там
Написаны стихи, которых я не знаю?

Кушнеру естественно представить, что он с Тютчевым и Фетом беседует на равных:

Так ветер куст приподнимал,
Такой клубился белый цвет,
Плеча касаясь моего,
Как если б Тютчев мне сказал:
Зайдите, будет только Фет
И вы, а больше никого...

По мнению Д. С. Лихачева, Кушнер «не только человек обширных знаний — он способен вчувствоваться, способен к перевоплощению, его стихи растут не на голой почве, своими корнями они уходят в культуру прошлого. Кушнер ощущает свою связь с поэтами-предшественниками. <...> Традиция для него — не трафарет для следования, а стимул и импульс творчества, обогащающий его, необходимый для создания нового поэтического мира»⁴.

Грань вторая. Кушнер — певец Петербурга

Мне кажется, что считать Кушнера только «петербургским поэтом» было бы неправомерно: это сужает общечеловеческий масштаб его стихов. Кушнеровский образ Петербурга похож и не похож на Петербург Пушкина, Некрасова или Достоевского. Поэт живо представляет себе итальянского архитектора, который несет под мышкой «желтой бумаги рулон», похожий на развернутый фасад здания Главного штаба. Кушнер видит «устремленные в Неву / И Обводный, и Фонтанку, / И похожую на склянку / Речку Кронверку во рву», видит «серого оттенка Мойку, женщину и зонт, / Крюков, лезущий на стенку, / Пряжку, Карповку, Смоленку...» Но этот список петербургских речек так и остался бы перечислением, если бы не заключительная строка стихотворения, вписывающая реалии Петербурга в контекст вечности, потому что рядом с «Карповкой и Смоленкой» оказываются «Стикс, Коцит и Ахеронт».

Лирический герой Кушнера зовет свою «героиню»:

Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки,
У стриженных лип на виду,
Глотая туманный и стойкий
Бензинный угар на ходу...
Меж Марсовым полем и садом
Михайловским, мимо бывлых
Конюшен, широким обхватом
Державших лошадок лихих.
Пойдем же! Чем больше названий,
Тем стих достоверней звучит...

⁴ Александр Кушнер. Персональный сайт // http://kushner.poet-premium.ru/prensa/20050000_buklet.html

Петербургский контекст у поэта наполнен внутренним содержанием, потому что ощущение красоты города и частный факт расставания с любимой становятся неотъемлемой частью его художественного мира, в котором петербургское «сверканье / Листвы, и дворцов, и реки / Возможно лишь в силу страданья / И счастья, ему вопреки!». Все факты жизни в Петербурге мыслятся поэтом звеньями в мировой культуре. Евгений Евтушенко в книге «Строфы века» назвал Кушнера «автором огромной поэмы о своем любовном романе с Ленинградом, в которую соединились все его стихи»⁵.

Грань третья. Кушнер — знаток и апологет истории и культуры

Поэзия Кушнера постоянно отсылает читателя к событиям мировой истории, которую поэт воспринимает как чистый лирик, признаваясь, что ему «в истории нравятся фантазмагория, фанты, / Все, чего так стыдятся историки в ней». Факты прошлого он вписывает во вселенскую ткань взаимосвязей человека, времени и природы:

Был туман. И в тумане,
Наподобье загробных теней,
В двух шагах от французов прошли англичане,
Не заметив чужих кораблей.
Нельсон нервничал: он проморгал Бонапарта,
Мчался к Александрии, топтался у стен Сиракуз,
Слишком много азарта
Он вложил в это дело: упущен француз.
А представьте себе: в эту ночь никакого тумана!
Флот французский опознан, расстрелян, развеян, разбит.
И тогда — ничего от безумного шага и плана,
Никаких пирамид.
Вообще ничего. Ни империи, ни Аустерлица.
И двенадцатый год, и роман-эпопея — прости.
О туман! Бесприютная взвешенной влаги частица,
Хорошо, что у Нельсона встретила ты на пути.

Атмосфера мировой культуры естественна для поэзии Кушнера. В его стихах сосуществуют «Орфей, / Когда тот пошел, камня, к Харону вторично» и «пергамский алтарь на воздушной подкладке», его лирический герой готов прийти на свидание с Карамзиным, назначенное в Константинополе, «под Айя-Софией», а перечень римских правителей — «Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон» — сам собой «лег в стихотворную строчку».

В стихах XXI века поэт снова признается в любви греческим богам, сопровождающим его с детства, потому что без них он не мыслит своей жизни:

Я люблю их, Афин, Афродит,
Артемид, Аполлонов, Гермесов.
Мне забыть их Гомер не велит,
Не смущен ни тщетой, ни прогрессом.

⁵ Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е. А. Евтушенко. Минск; Москва: Полифакт, 1995.
<http://kushner.ouc.ru/strofu-veka.html>

Не заметить их игр и затей,
Их обидчивость, гнев и кокетство —
Все равно что оставить детей,
Все равно что забыть свое детство.

Музыка для Кушнера — «счастливая сестра / Поэзии, как сладкий дух сирени», она до сердца пробирает, «до нутра, / Сквозь сумерки и через все ступени». Гипертекстом в его стихах становятся даже узнаваемые мелодии, например «Серенада» Шуберта:

Это песенка Шуберта, ты сказала.
Я всегда ее пел, но не знал откуда.
С нею, кажется, можно начать сначала
Жизнь, уж очень похожа она на чудо!

Что-то про соловья и унылый в роще
Звук, немецкая роща — и звук унылый.
Песня тем нам милей, чем слова в ней проще,
А без слов еще лучше, — с нездешней силой!

Музыка для Кушнера — олицетворение Италии, впитавшей культурную память Европы, поэтому узнаваемые музыкальные термины так органично вошли в ткань его стихов. Для Кушнера музыка, поэзия и природа — явления одного смыслового ряда:

Музыка — ты уроженка Милана,
Рима, Венеции, Пармы, Вероны.
Forte, fortissimo, fermo, piano
Или allegro, подъемы и склоны. <...>

Diminuendo, crescendo, staccato,
Дымные пинии, душиные розы,
Лукка, Сиена, холмисто, покато,
Бабочки, пчелы, сухие стрекозы...

В стихах о музыке Кушнер готов говорить «сквозь века» не только с «поручиком Тенгинского полка», но и с Фредериком Шопеном. Поэт берет на себя смелость желать фортепьянному королю оркестрового звучания, которое невозможно без «барабана... и гобоя», «фаготы и трубы», «флейты и скрипки»:

Я готов обратиться пожеланье в мольбу:
Постарайтесь избежать ошибки.
Полонез превосходен, прелестен этюд,
Безусловно, прекрасна мазурка,
Но от вас и во Франции большего ждут,
И в тяжелых снегах Петербурга.

В поэтическую ткань Кушнер вплетает и намеки на живописные полотна, например на многочисленные портреты инфант Веласкеса, и сравнивает с ними юные елочки:

Ты мне елочки пышные хвалишь
Мимоходом, почти как детей.
Никогда на тропе не оставишь
Без вниманья их темных затей:
На ветру они машут ветвями
И, зеленые, в платьях до пят
Выступают гуськом перед нами,
Как инфанты Веласкеса, в ряд.

Так природа становится у поэта частью культуры, а культура — частью природы.

Грань четвертая. Кушнер — хранитель тайн природы

Природа для Кушнера — божество, способное творить красоту, рождать слово и чувство, «снимать порчу» с отравленного цивилизацией человека:

Евангелие от куста жасминового,
Дыша дождем и в сумраке белея,
Среди аллей и звона комариного
Не меньше говорит, чем от Матфея. <...>
Ты слеп и глух, и ищешь виноватого,
И сам готов кого-нибудь обидеть.
Но куст тебя заденет, бесноватого,
И ты начнешь и говорить, и видеть.

Всемогущая природа для поэта — «заступница всех», у которой

Камни есть и есть облака,
Как детей, любя и этих и тех,
Тяжела — как те, как эти — легка.
Заморозить ей осенний поток —
Как лицом уткнувшись в стенку лежать.
Посадить ей мотылька на цветок —
Как рукой махнуть, плечами пожать.

Учась у природы «делать чудеса своими руками», Кушнер сожалеет, что «в нашей жизни, печалях, словах / Этой легкости — вот чего нет!»

Михаил Эпштейн заметил, что «природа в стихах А. Кушнера — это спасительное откровение человеку о чистой и счастливой сущности бытия, которая забывается им за страданиями и невзгодами повседневной жизни»⁶. Природа не только «заступница всех», но и «целительница души», вечная утешительница, способная излечить от горьких воспоминаний и душевных травм. Кушнер уверен, что «нас любит облако, нас дерево врачует», что сад «над Невкой Большой» его «от печали спасает», что «цветы способны в наше прошлое, / Леча от старых травм, зарыться».

Поэт восхищен гармонией мира, когда за белым шиповником, который «свеж, аккуратен и чист, — как Пьеро!», расцветает шиповник махровый, как «в ярком трико Арлекин», а за ним «третьим приходит, как шелк ослепительно-алый, / С желтой

⁶ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» // <http://kushner.ouc.ru/priroda-mir-tainik-vse-lennoi.html>

середкой рассеянный гость запоздалый, / Нами любимый всех больше и дикой пчелой». Такой миропорядок обеспечен природой, которая «знает, что делает, пряча за вечной мглой».

Природа и культура для поэта — родственные понятия, а сентябрь, выметающий широкой метлой «хитиновый мусор» умерших насекомых, рождает у поэта мысль, что природа, театр, королевские дворцы, где уместны «манжеты, застежки, плащи, вена», радость жизни и неотвратимость смерти — это реалии одного порядка, в котором человеку рукой подать «до кладбища ос, / До свалки жуков, до погоста слепней, / До царства Плутона, до высохших слез, / До блеклых, в цветах, элизейских полей!».

Городские пейзажи Петербурга не противоречат природе вне города, потому что их эстетическая сила способна воспитывать душу человека: «Как клен и рябина растут у порога, // Росли у порога Растрелли и Росси, // И мы отличали ампир от барокко, // Как вы в этом возрасте ели от сосен». Природа — апофеоз культуры, и ее канонам вторит филигранность лепнин и фасадов города. В свою очередь, и в явлениях природы отражается архитектурное изящество петербургских дворцов:

Волна в кружевах,
Изломах, изгибах, извивах,
Лепных завитках,
Повторных прыжках и мотивах;
Волна с бахромой,
С фронтоном на пышной вершине
Над ширью морской.
Сверкай, Борромини, Бернини!

Смерть дерева, даже срубленной к Рождеству елки, ведет поэта к размышлениям о несправедливом устройстве бытия. Рождественская радость, отождествленная с Вифлеемом, становится для поэта олицетворением «тоски и печали», которое Х.-К. Андерсен, создавая сказку «Елка», испытал задолго до Кушнера:

Стройный стан в серпантин будет, в блески одет,
И шары золотые повесят.
Справедливости не было в мире и нет,
Ею только клянутся и грезят.

Таким образом, хотя поэт и признает величие и силу природы-божества, которую он готов принять сердцем, но разум побуждает его вечно искать, а найдя, хранить тайный смысл природных явлений, давать им свое объяснение, считая природу и культуру равновеликими понятиями.

Грань пятая. Кушнер — литературовед и эссеист

Кушнер пишет не только стихи, но и публицистику, эссе, литературоведческие статьи, и мы можем приобщиться к его размышлениям о поэзии и поэтах, о людях, связавших свою жизнь с литературой. Впервые литературоведческая проза Кушнера появилась в его сборнике стихов «Тысячелистник», а затем в поэтической книге «Волна и камень». Поэт рассуждает о роли лирического героя в поэзии и утверждает, что, выбрав себе литературную роль, поэт вынужден и в реальной жизни быть похожим на созданный им в поэзии образ. Но Кушнер считает себя в жизни

обычным, далеким от романтических представлений человеком, который имеет «объективный взгляд на вещи и значительную душевную прочность», и ему не нужно тратить силы на «конструирование в стихах своего образа». Поэтому он относит себя к стихотворцам, у которых нет лирического героя. В книге «Аполлон в снегу», не проводя границы между собой и своим лирическим героем, Кушнер наделяет его чувством ответственности за свои действия и поступки, которая выливается в готовность заплатить за каждое слово собственной жизнью.

Ирина Роднянская справедливо замечает, что «в литературной эссеистике Кушнера, лишенной какой бы то ни было надуманной затейливости... играют не использованные в его стихах, но именно стихам присущие образные блики. <...> Раннее стихотворение Пушкина „забегало вперед, как гонец, объявляющий приближение царского поезда“ — лирики 30-х годов». «Пастернаковская стая (ассоциаций. — И. Р.) летит хаотично, так летают голуби», а у Мандельштама «ассоциации выстраиваются в цепочку — так летят гуси». «Архилох, сказавший: „Пью, опершись на копье“, делает это и сегодня. Лирическая поэзия живет сегодняшним днем, принадлежащим вечности». «Маяковский улегся на революционную волну, перестал грести и в конце концов, когда огромная волна ушла, — как крупное морское животное, вроде кита, — оказался на мели». Поэзия Фета «так горяча, что над ней клубится пар», а поэзия Вячеслава Иванова «похожа на гипсовые волны»⁷. Поэтому Кушнер и в своей литературной эссеистике остается глубоким лириком, мыслящим самобытными образами.

Интересна статья Кушнера «Прямой разговор о жизни»⁸, посвященная Л. Я. Гинзбург. Ее главной заслугой Кушнер считает создание теории «промежуточной литературы», к которой относятся эссе, дневники, записные книжки, мемуары, автобиографии, невыдуманные рассказы. Ее записи разговоров и событий, их осмысление, мемуарные страницы, эссеистика, прозаические повествования были опубликованы только в 1980-е годы и составили самую «драгоценную часть ее творческого наследия». «Записные книжки. Воспоминания. Эссе» Л. Я. Гинзбург стали для Кушнера образцом прозы о поэтах, о которых создавал свои эссе и он сам.

Грань шестая. Кушнер — детский поэт

Александр Кушнер не только выдающийся лирик и глубокий исследователь русского стиха, но и оригинальный детский поэт, автор более десяти книг для детей. Герой его детских стихов — ленинградский парнишка, любящий свой город и живущий интересной мальчишеской жизнью. Тонкой иронией над собой подростком пронизано стихотворение «Пение», рассказывающее про взрослого дядю Колю, спевшего по просьбе детей... романс:

В нем слова такие были —
Жаль, что мы их позабыли:
Про вскипающую кровь,
Про несчастную любовь.
«Вот, — сказала Таня с чувством, —
Настоящее искусство,
А не песни для детей!»
Мы согласны были с ней.

⁷ Роднянская И. Б. Поэт меж ближайшим и вечным // http://fictionbook.ru/author/i_b_rodnyanskaya/dvijenie_literaturyi_tom_ii/read_online.html?page=7

⁸ Кушнер А. С. Прямой разговор о жизни // Литература. «Первое сентября». 2007. № 5. <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200700517>

Одно из самых смешных детских стихотворений — «Не шумите!». Действительно, можно ли считать «шумом» то, что

Андрюша стучал еле-еле
 Молотком по железной трубе.
 Я тихонько играл на губе,
 Пальцем книзу ее отгибая.
 Таня хлопала дверью сарая.
 Саша камнем водил по стеклу.
 Коля бил по кастрюле в углу
 Кирпичом, но негромко и редко...

Ведь дети стучали и гремели «еле-еле», «тихонько», «негромко и редко», чтобы Вася «не смущался и пел».

Сколько детских мечтаний воплотил Кушнер в своих стихах, проникнув в психологию подростка! Герой стихотворения «Белая ночь» восхищен этим характерным для Петербурга природным явлением и искренне сожалеет о том, что не может гулять белыми ночами, потому что еще не взрослый.

Кушнер — мастер неожиданных финальных строк, ставящих точку в стихотворении, и в детской поэзии это проявляется особенно выразительно: «Хорошо иметь слона, / Жаль, что комната тесна!»; «Войдет капитан / и не знает того, / что в рубке просторной / я был до него!»; «Держался я строго и прямо. / Смеялись фотограф и мама. / А я рассмеялся за ней. / И вышел я — рот до ушей».

По моделям русских отчеств и фамилий строит Кушнер стихотворение «Игра», которое на самом деле становится игрой слов, веселящих читателя вплоть до последней строки:

Антон Антонович Антонов!
 Фонтан Фонтанович Фонтанов!
 Вагон Вагонович Вагонов!
 Диван Диванович Диванов!.. <...>
 Сысой Сысоевич Сысоев!
 Болтай Болтаевич Болтаев!
 Постой Постоевич Постоев!
 Устал-я-больше-не-желаев...

Скрытая улыбка поэта и неповторимая кушнеровская интонация видны в каждом детском стихотворении. Кушнер и юный читатель беседуют как пара мальчишек из знакомого ленинградского двора, и поэт ведет себя не свысока, а как равный с равным.

Грань седьмая. Кушнер — учитель русского языка и литературы

Мне кажется, что Кушнер никогда не забывает о том, что по специальности он школьный учитель, хотя прошло уже много лет с тех пор, как он работал в школе. Школьные мотивы наполняют его стихи разных лет, поэт смотрит в них на жизнь изнутри, например, как взволнованный ученик, пишущий контрольную:

Контрольные. Мрак за окном фиолетов,
 Не хуже чернил. И на два варианта

Поделенный класс. И не знаешь ответов.
Ни мужества нету еще, ни таланта.
Ни взрослой усмешки, ни опыта жизни.
Учебник достать — пристыдят и отнимут.
Бывал ли кто-либо в огромной отчизне,
Как маленький школьник, так грозно покинут! <...>

Школьная контрольная оказывается у Кушнера сильнее по эмоциональному напряжению, чем

все неприятности взрослые наши:
Проверки и промахи, трепет невольный,
Любовная дрожь и свидание даже —
Все это не стоит той детской контрольной.

То же чувство детской «оставленности» и «брошенности» звучит и в другом «школьном» стихотворении, написанном уже в XXI веке:

Вспоминай, в каком — в четвертом классе
Или в пятом, может быть, в шестом
Ты писал диктант, на каждой фразе
Обмирая в сумраке степном?

Проницательный читатель заметит в стихотворении отсылку к «Капитанской дочке» Пушкина: «кибитка», «как в степи», «по снегам», «встретился прохожий», «в рваном армяке», «повел по бездорожью», но этот частный школьный случай поднимает размышления автора на философский уровень: «Спасенье только в русской прозе / И стихах, другой дороги нет!»

Словесная игра Кушнера со стихотворением в прозе И. С. Тургенева «Русский язык» стала основой удивительного текста, построенного на внутреннем диалоге:

Во дни сомнений (Я не понимал,
Каких еще сомнений?). В дни раздумий
(Каких раздумий? Вставочка в пенал
Укладывалась вроде древних мумий,
Хотя еще не кончился урок).
Ты мне один — опора и порука.
(Или подмога? Кто бы мне помог?
Стихотворенье в прозе, что за мука!
Как это можно выучить? Во дни?)
Во дни сомнений, тягостных раздумий
(Каких? Зачем? В таинственной тени
Тонула школа, сумерках и шуме) —
Зато теперь понятно мне каких...

Причем диалог получается двойной: один между учителем и юным учеником, наивно комментирующему слышанное, и второй — между Кушнером и Тургеневым. Первый диалог обречен на неудачу: учитель не осознает, что его ученики не понимают тургеневского текста, а позиция ученика воплощена в многочисленных вопросах: каких? кто? как? зачем? Второй диалог — между самим Кушнером (или его повзрослевшим учеником) и тургеневским стихотворением — снимает возникший конфликт:

Про черный день стихи, на крайний случай.
Язык и есть Россия. (Для других
Она в другом.) Свободный и могучий.

В раннем стихотворении «Прощание со школой» (впервые опубликовано в журнале для учителей-словесников «Литература»⁹), молодой учитель признается, что он проявляет строгость к ученикам только по должности. Он не дает «топтать полы / И скатываться с горки», проверяет дневники и огибает лужи, потому что так положено учителю, а на самом деле он и ленив, как подросток, и искренне считает мальчишек «правильным народом». В заключительных строках заключен результат образовательного воздействия и квинтэссенция позиции учителя:

Учитесь сами, дураки!
Я больше вам не нужен.

Грань восьмая. Кушнер — защитник русского языка и поэтического слова

Любовь к родному языку и литературе — яркая черта поэтической палитры Кушнера. Поэт протестует против апунктуационной манеры в современном стихосложении, когда в поэтическом тексте отсутствуют знаки препинания:

Пунктуация — радость моя!
Как мне жить без тебя, запятая?
Препинание — честь соловья
И потребность его золотая. <...>

Огорчай меня, постмодернист,
Но подумай, рассевшись во мраке:
Согласились бы Моцарт и Лист
Упразднить музыкальные знаки?

Наподобие век без ресниц,
Упростились стихи, подурнели,
Все равно что деревья без птиц:
Их спугнули — они улетели.

Мотив защиты русской поэзии от плохих стихов является сквозным в лирике Кушнера последних лет. Он противник «затертых», «жалких» и «увечных» рифм к вечным словам «жизнь» и «смерть». Поэтому когда слово «смерть» рифмуется со словом «круговерть», поэт признается:

...дочитать до конца
Стихи не могу: все кончается,
И жалко поэта-глупца.

Слова он уподобляет живым существам, и если в стихах появилось совсем не поэтическое слово «пресмыкающееся», то оно оказалось похожим на ящерку и «впол-

⁹ Волков С. В. А закончим строку многоточьем... // Литература. «Первое сентября». 2008. № 12. <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200801201>

зло в стихи, нелепое, / Поджав конечности кривые». Это «малоприятное создание, / Само себя оно стыдится». И отталкивающим в нем становится не только внешний вид, но и лингвистические части в составе этого слова: «суффикс „ющ“, и окончание / Два „е“ с возвратною частицей».

В лирике Кушнера рубежа веков громко зазвучал мотив ненужности стихов. Поэт уверен, что «стихи — архаика. И скоро их не будет», потому что «стих живет без цели, / Летит, как ласточка, свободно, наугад. / И третье, видимо, нельзя тысячу челетье / Представить с ямбами, зачем они ему?». Поэтому поэт задается вопросами: «Жизнь и без стихов / Хороша, не так ли?», «Жизнь проходит — жаль. / А стихи не жалко?» Но ответ на эти вопросы один: стихи как цветы — «в отблесках сквозных, / С рифмами по краю... / Как бы я без них / Жил, не понимаю».

Он уверен в том, что хотя «без стихов / На земле обходились веками», но сегодняшний упадок поэзии — это не навсегда, «это пауза, это синкопа». Стихи должны жить и звучать на родном языке, потому что родная страна для поэта «дороже всех: его бессмертье — в ней», и он живет «в стихах своих всю жизнь, превозмогая мрак». Именно в них Кушнер видит путь к спасению страны от бездуховности, отчуждения и уверен, что «не было б места ни страху, ни злобе, / Все б нам простились грехи, / Если бы там, за границей, в Европе, / Русские знали стихи». И стихи Кушнера в первую очередь!

В одной из своих последних журнальных подборок, посвященной китайским впечатлениям¹⁰, Кушнер снова предстает перед нами как поэт-мудрец, поэт-философ. Маленький экскурсионный поезд, едущий по кругу в китайском парке, помогает поэту постичь суть жизни и смерти и приводит к выводу, что

Жизнь не опасна, и смерть не страшна.
Кто бы подумал, что надо за этим
Ехать в Китай? И как будто она
Только китайцам открыта и детям.

Александр Кушнеру, лауреату нескольких десятков престижных литературных премий, — 80 лет! За его плечами шлейф времен, которые не выбирают. Но эта дата не должна ужасать своей масштабностью, потому что с нами поэт, который не перестает плодотворно трудиться, радуя нас новыми книгами стихов и прозы. Нам повезло быть его современниками, читателями, которых он одарил сиянием всех граней своего таланта и твердо знает главное: «смысл жизни — в жизни, в ней самой».

**Редакция поздравляет
Александра Семеновича Кушнера
с 80-летием!**

¹⁰ Кушнер А. С. В Китае // Звезда. 2016. № 1. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/1/v-kitae.html>